

Интервью с Ольгой Александровной ВОЛКОВОЙ

«МНЕ ОЧЕНЬ ПОВЕЗЛО С ЛЮДЬМИ, С КОТОРЫМИ Я ВСТРЕЧАЛАСЬ ПО МЕРЕ ОСВОЕНИЯ ПРОФЕССИИ...»

Волкова О. А. — окончила филологический факультет (1994) и психологический факультет (1996) Балашовского педагогического института; доктор социологических наук (2007 г.); профессор кафедры социальной работы (СГУ), заведующая кафедрой социальной работы (БелГУ). Основные области исследования: теория и методология социологии, профессиональная идентичность, социология социальной работы, психология социальной работы. Интервью состоялось: сентябрь-ноябрь 2014 г.

...конец ноября 2014 года. Около десяти месяцев назад, 5 февраля 2014 года, я отправил первый вопрос интервью Ларисе Паутовой, доктору социологических наук, много и успешно работающей в области исследований общественного мнения. Так началось мое изучение шестого поколения советских/российских социологов, тех, кто родился в интервале между 1971 и 1982 годами. Старшим из них на момент завершения текущего года будет 43 года, младшим — 32. Все они родились еще в СССР, но в социологию входили (некоторые еще лишь войдут) в России. Они — первое поколение собственно российских социологов.

Беседа с Л. Паутовой показала мне важность целенаправленного изучения этой новой профессионально-возрастной когорты, представители которой еще 40-50 лет будут находиться «в строю». Во-первых, открывается возможность уже сейчас немного заглянуть в будущее и представить, кем будет создаваться, развиваться наша наука в первой половине XXI века и кто будет учить социологов середины и второй половины нынешнего столетия. Особенности развития поствоенной российской социологии этой генерации отведена особая роль — путем личного общения соединить ученых первых поколений советской социологии с теми, кто будет знать их имена лишь по учебникам.

Во-вторых, анализ биографий и траекторий вхождения в науку социологов шестого поколения открывает новые перспективы для изучения процессов становления нашего профессионального сообщества, изменений методологии социологии и исследовательской проблематики. В частности, просматривается новая историко-социологическая и науковедческая проблема — многоаспектное сопоставление первого и шестого поколений. Для этого есть весомые основания. Старшие сделали очень много. Они содействовали «второму рождению» социологии в России, положили начало освоению Западного теоретического и инструментального опыта и добились признания социологии в качестве самостоятельной науки. Перед младшими стоит задача равной трудности — осуществить прорыв «в обратную сторону». Изучить сделанное советскими социологами и понять, что из этого багажа может представить интерес для международного социологического сообщества, объединяющего страны с разной социально-политической организацией и разными культурными особенностями.

Но потребуется время для осознания подобной миссии. Пока же представители шестого поколения, что закономерно, решают проблемы собственной профессиональной идентификации, ищут свое место в научном мире. Стартовые позиции Ольги Александровны Волковой были весьма скромными, она училась в единственной в селе школе, в которой работали ее родители. Понимание ею этого и стремление к расширению окружающего мира естественно были связаны с использованием ресурсов большого города. И она решительно двигалась в этом направлении.

Закончила школу в 1989 году, поступила в Балашовский педагогический институт, на первом курсе вышла замуж и родила дочку. Получила специальность «филология» и сразу же — второе высшее образование, «практическая психология». Ее пригласили на кафедру социальной работы, и одновременно она училась в аспирантуре Саратовского государственного университета. В 29 защитила диссертацию по педагогике, осуществив комплексное исследование проблем профессионального самоопределения. Выиграла несколько конкурсов на право обучения на престижных курсах Москвы, Петербурга, Казани, Харькова, а затем стала докторантом факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета. На первой встрече заведующий кафедрой, профессор А.О. Бороноев заметил: «Вот, теперь и комсомольцы начинают защищать докторские!», в 36 лет она защитила докторскую диссертацию. Теперь она совершенствует свой немецкий и английский, чтобы лучше знать достижения западных исследователей и менеджеров социальных программ.

Биография Ольги Волковой дает нам одну из моделей вхождения в социологию людей, развивающихся самостоятельно, вне сложившихся научных центров. От них можно многого ожидать, но надо понимать, что им очень трудно.

Волкова О. А.: «Мне очень повезло с людьми, с которыми я встречалась по мере освоения профессии»

Ольга, согласно биографической справке, приведенной в книге «Социологи России», Вы родились в городе Балашове, Саратовской области, там получили образование и до недавнего времени жили и работали в Саратове. Ваши родители, дедушки и бабушки тоже из тех краев? И вообще, насколько глубоко Вы знаете историю Вашей семьи?

О моих предках я знаю от родителей, дедушек и бабушек. Истории жизни известны до четвертого поколения, то есть до прадедушек и прабабушек. Почти все они жили в одной деревне в Саратовской области, Романовском районе. Села «Ежовка» теперь уже нет. Школу в ней закрыли и свет отключили в 1980-е годы. И сразу же население стало уезжать. Оставались лишь те, у кого не было детей, отсутствовала возможность перебраться куда-то в более цивилизованное место, или те, кто хотел умереть в родной деревне. Последние — Ваня и Паня (брат и сестра) — жили вдвоем несколько лет. Те, кто приезжали на кладбище или за фруктами (около всех бывших домов в деревне были прекрасные сады), привозили им хлеб. Последней умерла Паня. В начале 1990-х какие-то «лихие парни» хотели поживиться скотиной, которая содержалась во дворе и была источником пропитания стариков. Нападавшие отстрелили пожилой женщине руку и ограбили. Так местных жителей не осталось вовсе.

В Бывшей деревне до сих пор на кладбище есть несколько могил, в том числе и моих дедушки, прабабушки, прадедушки.

Насколько я знаю, все мои предки были крестьянами, по национальности русскими. Мне неизвестно о том, чтобы в моем роду были представители других национальностей. Итак, русские крестьяне... История всей страны отразилась и на них.

Один из прадедов по отцовской линии Яков служил в известной конной дивизии В. И. Чапаева. В боях и погиб. Жену-красавицу с несколькими детьми несколько раз звали замуж. В очередной раз она согласилась. Этим дети были очень недовольны, так как потеряли все льготы, которые имели в результате героической гибели отца.

Другой прадед по отцовской линии Прокофий остался вдовцом с четырьмя дочерями на руках после смерти первой жены. У прабабушки Марины, тоже овдовевшей, было две дочки. Мне известно, что она ходила пешком из Ежовки в Киево-Печерскую Лавру замаливать грехи умершего мужа.

Итак, у Прокофия было четыре дочки, а у Марины две. После того, как они сошлись, у них родилось еще две девочки. И получилось всего восемь девочек. Так что во всей семье, состоящей из 10 человек, надел давали только на одного прадеда. Ему приходилось брать в аренду землю и нанимать людей для посева, ухода и уборки урожая. Насколько я помню, он купил со временем две лошади и построил мельницу. Получилось, что кулак... Односельчане предупредили вечером, что утром придут его раскулачивать. Он укрылся в соседней деревне. Но это не спасло семью. Дом, мельницу, лошадей забрали. Прабабушка Марина с двумя младшими дочками (моей бабушке Рае было три года, а ее сестре Тане —

пять) — все трое вышли на улицу босиком на снег. До этого на всех на них были новенькие валенки, что также являлось предметом, видимо, «кулацким», поэтому подлежало изъятию. Соседи дали какую-то старенькую, потрепанную обувь. С тех пор моя бабушка Рая всю свою жизнь боялась людей в форменной одежде. Если таковые неожиданно появлялись поблизости, то она сразу же шла мыться и менять нижнее белье: мочевого пузырь так реагировал на ассоциацию из раннего детства. Прадеду быть в бегах вскоре надоело, и он вернулся в родную деревню, но все равно был отправлен в тюрьму в г. Пугачев Саратовской области. Там и сгинул.

От бабушки Марины достались ее Псалтырь и Библия — не в виде текста, а в картинках. Библию она принесла из Киево-Печерской Лавры. На карточках из плотного картона представлена вся Библейская история. Они упакованы в специальный деревянный ящичек со стеклянным окошком. Несколько карточек, правда, было утрачено еще до меня. Псалтырь я иногда читаю. Понимать текст помогает то, что при получении мной первого образования нас неплохо учили древнерусскому языку.

Сын Прокофия и Марины, Василий Яковлевич, мой дед, работал в колхозе, а для своей семьи держал большую пасеку. С 16 лет прошел три войны. С Великой Отечественной вернулся израненный, вскоре и умер. Бабушка осталась с четырьмя детьми. Работала, как и все, за трудодни. Когда набиралась корзина куриных яиц, она доила вечером корову и шла с вечера в ближайший город. К утру приходила на базар, продавала яйца и шла назад с денежками. К вечерней дойке возвращалась домой. Говорит, что сильно не уставала, «да и волки были только издали, близко не подходили»...

Прадед по материнской линии Семен, по словам моего деда, «голь перекатная», всю жизнь отдал обработке земли, в Ежовке же и похоронен.

Второй прадед по материнской линии Василий 25 лет служил, был военным портным. Однажды он пошел зимой драть лыко (он с семьей жил в селе Красавка Самойловского района) и не вернулся. Весной в лесу нашли ремень с пряжкой. В семье стало еще голоднее. Два брата пошли работать, а прабабушка с моей бабушкой Машей и ее сестрой Галиной стали работать на колхозной ферме. Им разрешалось питаться кормом, который давали животным. Поэтому и выжили. Местная учительница взяла бабушку Машу в няньки. Ее научили чисто-пречисто стирать белье, шить, вязать, плести кружево. У бабушки были прекрасные задатки, и она стала искусницей. Намного позже, когда она вышла замуж, деревенские бабы приходили смотреть, какие накрахмаленные простыни сушились на веревке и дивились опрятности Марии. Бабушка научила меня рукоделию. Видимо, наследственность взяла свое. Окружающие удивлялись, глядя на меня, как это пионерка и комсомолка ходит в собственноручно плетеных кружевных воротничках и манжетах на коричневой школьной форме.

И еще бабушка Маша всю жизнь потом не ела грибов и смотреть даже на них не хотела: возникали потуги на рвоту. Я всегда удивлялась, как это можно даже не пробовать такую вкуснятину: грибочки, жаренные в сметане. А это были, как оказалось, последствия голода. В войну моя бабушка училась в школе механизаторов, была в ней отличником. Низенького роста, щупленькая... Возила на полуторке урожай, который собирали в поле. На сиденье подкладывала подушку, чтобы было видно дорогу. И только уже намного позже, когда подросли деревен-

ские мальчишки, она перешла на почту, где продолжала работать даже после того как вышла на пенсию. Я о бабушкиной работе в качестве механизатора узнала только после моего тридцатилетия. У меня всегда была ассоциация бабушки с домашними варениками, блинчиками, хлебом из печи. Мне же бабушка Маша всегда внушала, что я девочка, и поэтому должна вести себя соответствующим образом. И маме она говорила то же самое. Я старалась в это верить. Ну и соответствовать, насколько это получалось. Но ведь я тогда не знала, что она не всегда была вот такой «у-тю-тю» бабулечкой, а работала механизатором, за рулем ездила и мелкие поломки сама чинила. А оба бабушкиных брата ушли на войну и не вернулись, остались только фото с фронта... Вернулась только ее любимая подруга. Дома среди фотографий лежит фото красивой девушки в военной форме, со взглядом, выражающим одновременно и ужас, и восторг. На обратной стороне написано «Дорогой подруге Марии. Берлин. 9 мая 1945 года».

Муж бабушки Маши, мой дед Витя, был инвалидом детства и на войну по этой причине не ходил. Его много раз просили быть председателем колхоза, но он каждый раз отказывался, оправдываясь тем, что говорит всегда «с картинками», а уж если ругается, то уж совсем почти одними «картинками». По его мнению, председатель должен был быть «уважительным» человеком, к чему считал себя не способным (или не желающим). Так учетчиком всю жизнь и проработал. Бабушкин опыт работы в качестве отличника-механизатора был стерт из коллективной памяти семьи. Дед всегда говорил, что у баб мозгов мало, они занимаются только «куклячьими игрушками» (то есть шьют, вяжут, готовят кушать и проч.). Этому мнению он придерживался абсолютно обо всех особах женского пола, исключение составляли лишь две его дочки и внучки. Вот они (то есть, мы), по его мнению, были очень даже умными: «все в деда». Технике всегда предпочитал велосипед и лошадь с телегой или с санями. Строил дома, клал печи, шил обувь. И все у него было «эдакое»: наличники на окнах — с деревянным кружевом, сандалики — с кожаными завитками. Бывало, сделает — и сам залюбуется.

Да, типично-драматическая история простой русской деревенской семьи, все эти люди — герои... такое выдержать, не озвереть, детей вырастить... Теперь, пожалуйста, о Ваших родителях, о детских годах.

Я родилась в городе Балашове Саратовской области. Родители в то время были еще студентами. Позже, по существовавшей тогда практике, по распределению мы уехали в сельскую местность. Так что школьные мои годы прошли не в городе. Школа была в селе единственной, мои родители работали в ней же. Причем папа был директором. Все мои проступки и шалости были в школе всем известны. Почти каждый день дома мне предъявлялись претензии по поводу моего поведения днем. И я завидовала тем ребятам, у которых родители работали в колхозе. Такой «тотальный» контроль компенсировался тем, что мой папа был заядлым рыбаком и охотником. Мы с ним вдвоем ездили почти всегда, за исключением зимы. По-моему, я с детства была девочкой озорной и самонадеянной.

Моя сестра на несколько лет младше меня. У нее стабильно за все четверти по всем предметам стояла оценка «5», а по математике «3». Однажды на совещании в районном отделе образования руководитель ругал директоров школ за то, что они плохо работают с коллективом и не отслеживают справедливость оценок, так как некоторые учителя излишне строги и придирчивы к детям. В качестве

примера привел школу, директором которой был мой отец, и рассказал о недопустимых оценках моей сестры. Отец вынужден был говорить, что учителя, наоборот, очень объективно оценивают знания школьников. «Значит, — сказал руководитель Районного отдела народного образования, — ваш коллектив мало внимания уделяет конкретным детям колхозников, раз подобные случаи происходят». Тут отец вынужден был признаться, что обсуждаемый ребенок — это его собственная дочь (Далее — немая сцена в стиле «К нам едет ревизор»). Так что моя сестра, как и я, была не в восторге оттого, что учиться в школе, где работают родители.

Какие предметы родители преподавали в школе? Думаю, как в любой сельской интеллигентной семье у родителей была неплохая библиотека художественной литературы. Что Вы любите читать? Наверное, сразу решили стать учителем?

Папа преподавал русский язык и литературу в старших классах. Мама работала в библиотеке. Дома книг было много. Библиотека классической литературы, в основном, русской. Очень много сказок. Но я помню, что все книги были толстыми и напечатанными мелким шрифтом, хотя и с красивыми цветными иллюстрациями. Поэтому я уже по окончании пятого года своей жизни, как только мама научила меня читать, была записана в сельскую библиотеку. Там я сама могла выбирать тоненькие детские книжонки, написанные огромными буквами. А потом я стала читать сказки в книгах домашней библиотеки. Наверно, это было влияние родителей — в том, что я читала почти исключительно русскую классику. До сих пор приносит радость чтение произведений А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, И. А. Крылова, Ф. М. Достоевского и других. Я по собственному желанию учила наизусть понравившиеся мне стихи русских поэтов. А таких было много. Думаю, благодаря этому развивалась память. Я думала о том, чтобы стать учителем русского языка или адвокатом (в то время последнее еще не было так модно, как в 1990-е и в начале 2000-ых годов).

В каком году Вы закончили школу? И что затем?

Школу я закончила в 1989 году. Как бы там ни было, стало ясно, что впереди ждет масса проблем и искушений. Но дорога оказалась более тернистой, чем предполагалось тогда. Пришлось много работать над собой и как будущим профессионалом, и как человеком. И чем старше я становилась, тем в более сложные жизненные ситуации попадала. Их нужно было научиться решать. Но выход из них требовал постоянной работы над собой, приобретения новых знаний, самосовершенствования. Сразу после школы поступила учиться в Балашовский педагогический институт и на первом курсе вышла замуж. Дочка у нас появилась тоже в студенческие годы, как и у моих родителей. В общем, свободной студенческой жизни у меня не получилось. В 1994 году получила специальность «филология», в 1996 году — второе высшее по специальности «практическая психология». Сразу стала работать на кафедре социальной работы. Параллельно училась в аспирантуре в Саратовском государственном университете.

В силу каких причин Вы решили получить второе высшее образование?

Меня всегда интересовало общественное устройство и индивидуальные особенности людей. Я понимала, что работа над собой — это процесс, длящийся на протяжении всей жизни. Мы добиваемся каких-то серьезных изменений в себе

и в собственной жизни только в результате постоянной кропотливой работы по обновлению имеющихся и нахождению новых знаний. Учиться на собственном опыте и на собственных ошибках – способ эффективный и запоминающийся. Но на его использование и апробирование во всевозможных сферах не хватит нескольких жизней. Психологическая наука позволяет в некоторой степени преодолеть недостатки метода «набивания собственных шишек», которые однако лишь в некоторой степени позволяют не наступать на старые грабли.

Как только в нашем институте появилась возможность получить психологическое образование, я сразу поступила учиться на вечернее отделение. Преподаватель, теперь уже профессор, Валентина Васильевна Гриценко, мигрировавшая из одной из стран ближнего зарубежья по причине политических событий тех лет, открывала эту специальность. В свой первый выпуск она вложила все, что знала и умела. Чтение специфической литературы, изучение психологических теорий и практик позволили мне придти к пониманию того, что для каждого человека существуют собственные, эффективные только для него пути саморазвития. Это обусловлено генетикой, образованием и воспитанием, темпераментом. Не смотря на то, что в жизни существуют переломные моменты, для меня самым подходящим и естественным оказалось постепенное развитие и регулярная работа над собой.

По какой теме Вы проводили диссертационное исследование? Каковы основные результаты Вашей работы?

Мне всегда было непонятно, почему некоторые люди жалуются на свою работу и ругают ее. Удивляло, зачем же выбрали именно такую, по какой такой причине получали образование, не нравившееся изначально или разонравившееся позже. Кандидатская диссертация подготовлена на тему «Педагогические условия и средства профессионального самоопределения будущего учителя». Это комплексное исследование, включавшее научные положения психологии, социологии, педагогики. Я пыталась определить, какие факторы влияют на профессиональное самоопределение, и определить, в первую очередь для себя, как правильно вести профориентационную работу со школьниками.

Мне очень повезло с людьми, с которыми я встречалась по мере освоения профессии. Моя первая заведующая кафедрой социальной работы Татьяна Павловна Дурасанова научила меня многому не только по работе, но и по жизни. Мудрая женщина, компетентный специалист, прекрасный человек. Несмотря на значительную разницу в возрасте, мы общались очень близко. Делали совместно научные исследования и методические разработки для студентов. Когда Татьяна Павловна читала лекции или писала методички для студентов, основным ее принципом считала доступность. Ей как-то удивительно удавалось преподнести самый сложный материал (с сухой научной терминологией) в простой форме, что позволяло значительно повышать качество знаний студентов.

Кандидатскую диссертацию Вы защитили в 2000 году, чем после этого Вы стали заниматься?

Я продолжала работать на кафедре социальной работы. Преподавательская деятельность, не прерываясь, всегда сочеталась с научной. По возможности я старалась посещать научные мероприятия. Я с самого начала работы на кафе-

дре была ответственной на научную работу со студентами. Мне это нравилось. Помню, как мы со студентами в первый раз поехали на Всероссийскую студенческую Олимпиаду по социальной работе в Мордовский государственный университет, в город Саранск. Стояли мы на перроне, прямо перед нами поезд. В справочной нам объяснили, что сейчас этот поезд уйдет, а на его место встанет следующий, в который нам и нужно будет зайти. Просто поезд немного якобы задерживался. Итак, проводница перед нами закрыла ступеньки и весел спросила, не ходим ли мы поехать с ней. Студенты ответили, что нам, к сожалению, нужен другой, опаздывающий поезд – в Саранск, которого мы дисциплинированно и терпеливо ждем. Ответ проводницы нас шокировал: «Ребята, именно этот поезд в Саранск и уходит, а другого сегодня уже не будет!». Минуты через полторы мы всей командой уже сидели в своем вагоне и дышали как запыхавшиеся песики. В итоге мы привезли из столицы Мордовии награды со студенческой Олимпиады. На кафедре нас встречали как победителей.

И все-таки я оставалась больше прикладником, пока жизнь не свела меня с философом Путиловой Лидией Максимовной. Она является специалистом по теории познания, онтологии и истории философии, философской антропологии. Ей свойственен панорамный взгляд на общество. Тема ее докторской диссертации «Сущность самопознания в опыте ментальной идентификации (в контексте философской антропологии)». В трудах Лидии Максимовны переплетаются философские, социологические и экономические аспекты, например, в одной из ее работ «Философская и социологическая достоверность метафизических свойств российского бытия». Именно Лидия Максимовна подтолкнула меня к изучению проблематики профессиональной идентичности и профессиональной маргинальности как явлениям, особым образом переплетающимся между собой на постсоветском пространстве, когда доктор наук в 1990 году мог торговать спичками у метро... Сама она о себе говорила, что с детства мечтала всю себя полностью посвятить семье и детям, и в этом самореализоваться. А на самом деле чувства к мужу и к детям переплелись с любовью к философии. Помню, однажды она сказала: «Время идет. Умирать не страшно. Страшно то, что накопленные знания уйдут вместе со мной. Надо успеть написать хотя бы две книжки...».

Дальше было выиграно несколько конкурсов и получено несколько стипендий для обучения на курсах: «Социальная структура» в рамках проекта «Специализированные социологические курсы» (Фонд Форда; Центр социологического образования Института социологии РАН, г. Москва); «Социология социальных проблем» (Фонд Форда; Центр социологии культуры, Казанский государственный университет, г. Казань); «Статистика без слез: регрессивное моделирование с использованием пакета NESSTAR» (Фонд Форда; Независимый институт социальной политики, г. Москва); Летний Университет «Современная социология: исследовательские и образовательные стратегии» в рамках проекта «Совершенствование социально-экономического образования в вузах» (Национальный фонд подготовки кадров; факультет переподготовки специалистов по социологии и социальной работе Санкт-Петербургского государственного университета). Преподавателями были блестящие российские ученые Ю.В. Веселов, В. И. Ильин, Д. В. Иванов, В. В. Козловский, Н. Е. Покровский, А. А. емкина, В. А. Ядов, И. Г. Ясавеев и другие.

Потом я попыталась окунуться в «виртуальное образовательное пространство». И оказалась одной из тех, кто был отобран для получения стипендии для обучения на курсе дистанционного обучения по гендерным исследованиям «Введение в гендерные исследования» в рамках программы «Университетская сеть по гендерным исследованиям для стран бывшего СССР» (Фонд Дж. Д. и К. Т. Макаруров; Харьковский центр гендерных исследований, Харьковский национальный университет, сентябрь 2006 г. – май 2007 г.). Читать и писать приходилось достаточно много, тем более что с вопросами гендера я близко знакома раньше не была. Часть материала была на английском языке. А я-то с детства в школе учила немецкий, его же сдавала в качестве экзамена кандидатского минимума. Весь наш класс искренне не понимал, зачем нам уроки немецкого языка. Важность всех остальных предметов все-таки в той или иной степени осознавали: русского языка, математики, химии, рисования, пения. Это все было, на наш взгляд, нужно. На вопрос о том, зачем нам учить немецкие слова и забивать ими голову, наша учительница, которая раньше работала в колхозе, а потом по направлению поступила в пединститут (но вовсе не на инъяз) и проучилась там много лет (около восьми – был в школе такой курьез, хотя остальные учителя были практически все со специальным, профильным педагогическим образованием, даже физкультурник), отвечала: «вдруг опять война, а вы не сможете разобрать смысла в речи захватчиков». Это нас, патриотически воспитываемых пионеров, кое-как мирило с уроками немецкого. А английский я вынуждена была начать учить вместе со своей дочкой, которая выбрала в школе английский язык. В семье же никто этого языка не знал. Но теперь я точно знала, зачем учила английский – для дочки. Да и значимость иностранных языков, особенно английского, стала к концу 1990-ых годов для меня, аспирантки, вполне очевидна. В общем, в силу своей упертости, все рекомендуемые материалы дистанционного курса «Введение в гендерные исследования» я прочитала, задания выполнила в полном объеме. Успешному окончанию курсов я должна была быть благодарна своей прилежности. Организаторы курсов обещали выписать и прислать сертификаты всем, кто закончил курс. Затем на несколько моих электронных писем я получала ответы о том, что сертификаты готовятся и скоро-скоро будут рассылаться. А потом и вовсе мне не отвечали. Так я осталась без подтверждающего документа, потратив на эти курсы времени продолжительностью в учебный год. Я даже два года назад пробовала возобновить переписку, но опять-таки безуспешно. Видимо, для меня обучение на курсах был тем случаем, когда процесс важнее сертификата.

В «Справочнике социологи России» сказано, что в 2007 году Вы защитили докторскую диссертацию по социологии в Санкт-Петербургском государственном университете. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее...

В Санкт-Петербург я приехала в 2004 году на специализированные социологические курсы (я выиграла конкурс, который предполагал финансирование пребывания и обучения в Санкт-Петербургском государственном университете). В нашей группе преподавал молодой доктор социологических наук Дмитрий Владиславович Иванов. Он и заведующий кафедрой Асалхан Ользонович Бороноев взяли меня под свою «опеку». Когда я впервые вошла в кабинет заведующего кафедрой, он выпалил: «Вот, теперь и комсомольцы начинают защи-

шать докторские!». И как-то так легко решил, что работа будет написана по специальности 22.00.01 – теория, методология и история социологии, а научным консультантом станет тоже «комсомолец», с которым мы вместе зашли в кабинет к Асалхану Ользоновичу.

В советское время, чтобы подготовить докторскую диссертацию, нужно было потратить десятилетия. А их у «комсомольцев» их за плечами не было. Я тоже в начале своего научного пути испытала «все прелести» заказа и получения изданий в диссертационном зале Российской государственной библиотеки, Библиотеки академии наук (Санкт-Петербургского научного центра), архивов. Заказ, ожидание в течение нескольких часов, на руки только три диссертации за один раз... Берешь эти три диссертации, которые, казалось бы, по теме мне подходят. Но на самом деле – нет, не о том. И опять заказ, опять ожидание. Проживание в Москве и в Санкт-Петербурге, даже в студенческих общежитиях, съедало основную часть зарплаты. Спускалась в буфет РГБ и смотрела, какой же мне купить коржик, чтобы он был самым дешевым и смог утолить голод ученого, который, как говорится, жив «не хлебом единым». В Российской национальной библиотеке Санкт-Петербурга готовили пшеничную кашу. Ее подавали в тарелочке безо всяких кулинарных изысков. Видимо, каша пользовалась спросом. Такие, как я, нищие ученые были благодарными посетителями библиотеки. Вся теория Г. А. Маслоу об иерархии потребностей еще тогда мне казалась несоответствующей действительности. В 1990-е годы посетители научных библиотек предпочитали на обед съесть пшенку, но сделать какую-нибудь достаточно дорогую копию редкого архивного документа. Так что своими первоочередными потребностями и своим поведением теорию Г. А. Маслоу опровергала не только я.

Асалхан Ользонович всегда осторожно подбирает преподавателей и докторантов на свою кафедру теории и истории социологии. К представителям нашего поколения относится по-разному, в зависимости от человека. Он говорит, что среди поколения «последних комсомольцев» и родившихся позднее, много таких, с кем бы он «в тайгу не пошел». Но многим молодым ученым доверял серьезную научную и организационную работу.

Итак, моим научным консультантом стал Дмитрий Владиславович. Увидев первую же страницу написанного мной текста, он сказал: «Ну зачем такие длиннющие тире? Поставьте покороче». А тире я до того момента ставила монументальные, вот такие: «—». Теперь в «знаках» не терплю путаницы, отмечая, где тире длиннющие, где нормальные, а где и не тире вовсе, а просто дефисы. Дмитрий Владиславович вычитывал мои тексты добуквенно. И уже при обсуждении диссертации на кафедре свои предложения и замечания высказывали Николай Александрович Головин, Олег Иванович Иванов, Петр Иванович Смирнов, Валерий Хазраилович Тхакахов и другие мэтры теоретической социологии.

Выигранный в 2007 году грант Фонда Карнеги в области социальных и гуманитарных наук позволил мне стажироваться три месяца в Смольном Коллегиуме Санкт-Петербургского государственного университета, осуществляя исследование «Научная интеллигенция в миграционных потоках советского и постсоветского периодов». В это время я проводила обобщение и анализ интервью, взятых ранее у ученых, вынужденных вернуться из бывших республик Советского Союза в Россию в 1980–1990-е годы. Благодаря этим интервью, я увидела периоды расцвета и упадка целых научных школ существовавших

в республиках, образованных международными коллективами. Так я впервые столкнулась с практическими проблемами гендера и их решением в традиционных обществах, где приехавшая в республику женщина-ученый приравнивалась по статусу к местным статусным мужчинам.

Со времен докторантуры и до сих пор я благоговейно отношусь к Асалхану Ользоновичу Бороноеву и Дмитрию Владиславовичу Иванову, к этим талантливым ученым с великолепными человеческими качествами. Время от времени обращаюсь к ним за консультациями по тому или иному вопросу. Всегда получаю гениально простые ответы и помощь. В 2007 году я защитила докторскую диссертацию по специальности 22.00.01 – теория, методология и история социологии. Тема «Социологическая модель социальной работы в сфере профессиональной идентификации в современном российском обществе». ВАК утвердил решение диссертационного совета уже в 2008. Асалхан Ользонович предлагал остаться в Санкт-Петербурге, содействуя в очень заманчивом трудоустройстве. Среди социологов Асалхан Ользонович обладает удивительным и непререкаемым авторитетом. Роман Алексеевич Костин однажды сказал: «Если Бороноев кого-то порекомендовал, значит, этот человек не подведет». Но непреодолимые трудности с устройством жилья не позволили мне в то время переехать в город на Неве.

Санкт-Петербургская социологическая научная школа наложила отпечаток не только на взгляды в методологии, но на демократический стиль взаимоотношения с коллегами, даже вне Санкт-Петербурга. Помню, как Николай Генрихович Скворцов, занимая руководящий пост, вместе с методистами и делопроизводителями сидел за «круглым столом» и руководил процессом поиска неточностей в учебном плане, вникая во все цифры, которые никак не хотели сходиться. И именно он первым нашел ошибку в математических расчетах.

В чем заключалась основная проблема Вашего исследования? Каковы основные элементы предложенной Вами модели? Ваше исследование было сугубо теоретическим или базировалось на проведенных Вами эмпирических исследованиях?

Работа по компоновке имеющегося материала, накопленного ранее в ходе инициативных исследований и проектов, поддержанных научными фондами, шла нелегко. Рассматривались, помимо социологических, некоторые экономические и психологические аспекты. Комплексный анализ проводить, с одной стороны, трудно, а с другой – интересно. Пересечение разных дискурсов порой дает возможность для формулирования неожиданных выводов. Например, о том, что социальная работа как профессиональная деятельность может оказать позитивное влияние на человека, потерявшего идентичность с профессией. Работа, направленная на восстановление идентичности, влечет за собой трудоустройство безработных граждан, повышение производительности труда, улучшение самочувствия людей, налаживание взаимоотношений в семье.

В 1990 годы многие граждане бывшей огромной страны оказались в ситуации, которая нарушила устоявшиеся профессиональные статусы. Социальная сфера и сфера занятости были кардинально трансформированы. В диссертационном исследовании разрабатывалась социологическая модель социальной работы, опирающаяся на зарубежные и отечественные подходы и основывающаяся на российской ситуации с учетом происходивших в нем процессов.

В практике социальной работы нашей страны в 1990-е годы ориентация была направлена на активное заимствование западных моделей социальной работы. Они применялись зачастую в неадаптированном для российского населения виде. На мой взгляд, в настоящее время все больше возрождаются собственные, самобытные для России формы и виды практической социальной помощи. Это видно на примере развития регионов. Например, в Белгородской области последний год активно развивается социальное партнерство в оказании помощи беженцам («всем миром»).

Отметив о «компоновке имеющегося материала», Вы фактически сказали, что занимались анализом и, возможно, самой социальной работой, до докторантуры. Когда и как это произошло? Вы знали о работах других российских социологов в этой области? Связаны ли Вы были тогда, да и сейчас с саратовскими социологами, в частности, с В.Н. Ярской-Смирновой?

Я работала на кафедре социальной работы с 1997 года. С этого же времени стала проводить научные исследования. В основном это были инициативные разработки, связанные с привлечением студентов к научной деятельности. И с этого же времени я вместе со студентами принимала участие в практической социальной работе – как во время студенческих практик, так и в рамках волонтерской помощи. Мы активно сотрудничали с учреждениями социальной сферы города Балашова Саратовской области.

Саратовские социологи сыграли особенную роль в моем становлении как ученого. Елена Ростиславовна Ярская-Смирнова готовила отзыв на автореферат моей докторской диссертации, выступала в качестве эксперта моих первых аспирантов. Когда в очередной раз мой аспирант выходил на защиту, я буквально нервничала из-за того, что Елена Ростиславовна не анализировала автореферат. Когда я ей об этом сказала, она рассмеялась и ответила, что она на этот раз не эксперт и мне пора перестать верить в собственные предрассудки, а работать самостоятельно. С ней мне было очень полезно работать в гранте РГНФ 2006–2009 годов «Динамика социального и профессионального статуса специалистов традиционной медицины в России». Я научилась тогда собирать и расшифровывать глубинные интервью, взятые у людей, которые достаточно специфичны – представителей этномедицины. Беседы проводились на рабочем месте этномедиков. Они старались выбирать время, в которое у них меньше посетителей. И, конечно, говорили о том, что, тратя на меня время, теряют деньги. В то время зарплата в вузах, как обычно в постсоветское время, была совсем небольшая. Но интервью были нужны. Приходилось, конечно, платить или угощать коробочкой конфет. Хорошо еще, что я уходила от них без синяков, ссадин и прочего. Их пациенты показывали подобное на своем теле, пока я сидела в очереди, дожидаясь встречи. Следы на теле оставались от применяемых этномедиками предметов, которые для меня казались странными при применении в лечебных целях – столовые ложки, колесики, палочки и все такое прочее...

Договориться о встрече было проблематично. Поступало множество вопросов с выяснениями того, зачем мне это нужно. Понять их было нетрудно. Часть из них работала нелегально, то есть некоторые этномедики не стояли на учете в территориальном налоговом органе. Такая незарегистрированная деятельность, конечно, была запрещена. Мои респонденты опасались, что я являюсь

«разведчиком» из налоговых органов. Такое в малых городах практиковалось. Работники-«налоговики» за обнаружение такого «подпольного» потенциального налогоплательщика получали в то время большие премии. Многие этномедики изначально регистрировались как индивидуальные предприниматели, но потом уходили в «подполье» из-за размеров налоговых выплат или из-за собственной жадности. Кроме того, налоговики еще могли отслеживать количество клиентов, которых принимал медик в день. И далее в добровольно-принудительном порядке у него повышалась официальная цифра дохода. Следовательно, и платить-то нужно было в казну тоже больше. В небольшом бывшем «купеческом городке» такое поведение распространялось не только на этномедиков, но и на других предпринимателей. Так сказать, в роли «провокаторов» выступали сотрудники государственных налоговых органов.

Руководителем гранта был профессор Института социологии РАН Мансуров Валерий Андреевич. С ним я познакомилась, когда обучалась на курсах «Социальная структура» в рамках проекта «Специализированные социологические курсы» (Фонд Форда; Центр социологического образования Института социологии РАН, г. Москва, сентябрь – октябрь 2004 г.). Валерий Андреевич пробудил во мне интерес к социологии профессий и профессиональных групп.

Меня заинтриговали Ваши слова: «Я научилась тогда собирать и расшифровывать глубинные интервью, взятые у людей, которые достаточно специфичны – представителей этномедицины». Ведь социологи, с которыми я беседую, тоже (если не еще более) специфичны. В чем «изюмина» глубинных интервью с этномедиками? Могу ли я использовать элементы Вашей технологии расшифровки в моей работе? Ведь у меня уже свыше 80 текстов глубинных интервью, объемом от 40000 до 500000+ знаков...

Пожалуй, в расшифровке интервью я обрела для себя новое, когда оказалась в ЦНСИ (Центре независимых социологических исследований, г. Санкт-Петербург). Я принимала участие в одном из научных семинаров. Директор центра Виктор Михайлович Воронков пригласил меня посещать центр в любое время. Я с преобладающим удовольствием приняла приглашение и стала пользоваться привилегиями сотрудников центра. Коллектив, возглавляемый Виктором Михайловичем, как раз занимался расшифровкой собранных интервью. На одном из рабочих столов я увидела правила расшифровки. Уж и чего там только не было: и круглые скобки, и квадратные, и всякие символы... Я, конечно, заинтересовалась. В общем, коллектив ЦНСИ при расшифровке обращал свое внимание не только на текст, но и подробнейшим образом на подтекст, и на поведенческие, невербальные проявления со стороны информантов. Для нашего проекта у этномедиков было полезным и интересным то, что они позволяли фотографировать некоторые инструменты, которыми они работали. Изображения на фотографиях давали дополнительную информацию о деятельности. Инструменты были экзотические... Ваша же, Борис, технология, пожалуй, еще больше специфична и требует особого опыта проведения и анализа такого – дистанционного – интервью. При транскрипции Вы же не можете указать специфические фонетические проявления //гмыканье, хмыканье, фыркanye// или речевые звуки //задергался глаз, задрожали коленки//.

У меня, может быть, есть некоторая своя специфика в используемой методологии. В ходе анализа зачастую использую: — психолингвистический подход — междисциплинарное направление, изучающее процессы порождения, восприятия и понимания текста как иерархическую систему, где в тесной взаимосвязи выступают низший, сенсорный, и высший, смысловой, уровни; иерархичность осмысления текста выявляется в постепенном переходе от интерпретации значений отдельных слов и выражений к пониманию смысла целых высказываний и затем к осмыслению общей идеи текста; — психосемиотический подход — междисциплинарное направление, сочетающее изучение процессов общения и деятельности человека с учетом генезиса (исторической природы) используемой символики (знаков), объективирующих и материализующих общественно-исторический опыт и навязывающих людям устоявшуюся семантику (значение) и перцепцию (восприятие) знаков, символов; — трансформационную модель исследования порождения речи¹, в которой используется концептуальное положение о поверхностной и глубинной структуре предложений (о поверхностной структуре, которую человек формально воспроизводит, слышит или воспринимает при чтении, и о глубинной структуре, связанной со смыслом высказывания; некоторые фразы, обладая одной поверхностной структурой, имеют две глубинные семантические структуры, то есть два варианта смыслового толкования); — теорию социально ориентированного общения (опосредованного через радио, телевидение, прессу, сеть Интернет)², предполагающего изменение в социально-психологической или социальной структуре общества или стимуляцию прямых социальных действий через воздействие на психику членов конкретной социальной группы или общества в целом.

Применяю комплекс методов и методик: — сравнительно-исторический метод, дающий возможность проводить сравнения и аналогии между социальными процессами, происходящими в различные исторические периоды; — лингвистический анализ (включающий семантический, грамматический, синтаксический, стилистический анализ), целью которого является выявление системы языковых средств, с помощью которых передается идейно-тематическое и эстетическое содержание текста; — нарративный анализ («сюжетный» анализ), дающий возможность комплексного лингвистического, психологического, социологического изучения законченных повествований (в том числе, интервью); — семиотический метод, позволяющий рассмотреть изображение, сопровождаемое надписью и устной речью, как процесс информационного обмена, как комплекс семиотических систем: 1) вербальных (речевых); 2) визуальных (неречевых); — дискурс-анализ, позволяющий изучать сложное единство: 1) речевой практики и 2) внеречевых факторов, необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об условиях и участниках коммуникации; — методики семантического шкалирования и ассоциативные методики, позволяющие исследовать психолингвистические характеристики текстов, ориентированных на воздействие, психологию речевых стереотипов, факторы селективности в восприятии текстов массовой коммуникации³.

¹ Хомский Н. Язык и мышление. — М.: Изд-во Московского университета, 1972. — 126 с.

² Психолингвистические проблемы массовой коммуникации / Под ред. А.А. Леонтьева. — М.: Наука, 1974. — 148 с.

³ Леонтьев А.А. Психолингвистика речевого воздействия // Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. — М.: Смысл, 1997. — С. 169–175.

К примеру, вот отрывок из текста анализа.

«Репортер: Она, мишень, а скажите это, ну это Вам от хозяев квартиры осталось или...»

Роман: Нет, это мы сами тренируемся.

Репортер: А вот тренируетесь. Ну вот, а.

Роман: Вот у нас же есть тут, собственно говоря, все необходимое для этого, для тренировок. Это один, где-то тут еще было...».

В материалах имеются невербальные способы совершения и угрозы совершения насильственных действий: сознательная и намеренная демонстрация предметов, связанных с проявлением насилия: мишень для пулевой стрельбы; предмет, схожий с пистолетом «ПМ», находящийся в кобуре скрытого (оперативного) ношения; предметы, схожие с патронами; предмет, схожий с пистолетом типа револьвер. В особенности сильное эмоциональное воздействие имеет демонстрация предположительно огнестрельного оружия (или предмета, создающего данный визуальный эффект, сознательно со стороны участников интервью) – оружия, предназначенного для механического поражения цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда⁴; пистолета и револьвера – гражданского огнестрельного оружия самообороны ограниченного поражения⁵. В материалах имеются образы угрозы совершения насильственных действий в будущем (мишени).

Как защита докторской диссертации изменила характер Вашей научной и преподавательской деятельности?

После защиты докторской диссертации я не стала заниматься научной работой меньше, чем до защиты. Но это событие изменило характер преподавательской деятельности. И, хотя уже не была ответственной за НИРС, но стала еще активнее проводить исследования вместе со студентами. Я с 2010 года работаю в Белгородском государственном национальном исследовательском университете. И, не смотря на то, что занимаю должность заведующей кафедрой, с энтузиазмом работаю со студентами, хотя времени на индивидуальное общение с ними практически нет. Мне до сих пор нравится передавать им тот опыт, который я имею, и слышать от них новые идеи. Хотя в общей массе студентов становится, по-моему, все больше безразличных, неинициативных. Тем более, среди студентов, обучающихся по направлению «социальная работа». Юноши и девушки не видят для себя перспектив, зная размер заработной платы в данной сфере. Но время от времени я встречаю талантливых – таких, с которыми мне интересно и легко работать. Я предпочла их выбирать и работать именно с ними.

Я стала еще больше сотрудничать со студентами и аспирантами, пытаюсь научить их писать академические тексты. Пытаюсь объяснить что-то им, я все больше узнавала сама. Со временем я понимаю, что мои ошибки превращаются в их ошибки. Это повышает ответственность, которой на российских профессорах сейчас и так много. Груз чрезмерной нагрузки очень давит и мешает науч-

⁴ Статья 1. Основные понятия, применяемые в настоящем Федеральном законе // Об оружии: закон Российской Федерации. Принят Государственной Думой 13 ноября 1996 года (в ред. от 12.03.2014 N 27–ФЗ) // Консультант Плюс. – URL: <http://base.consultant.ru>.

⁵ Статья 3. Гражданское оружие // Об оружии: закон Российской Федерации. Принят Государственной Думой 13 ноября 1996 года (в ред. от 12.03.2014 N 27–ФЗ) // Консультант Плюс. – URL: <http://base.consultant.ru>.

ному творчеству. Имея первое филологическое образование, я могла бы сама развиваться интенсивнее в написании академических текстов и помогать своим студентам, аспирантам.

Мысль о недостаточном владении иностранными языками постоянно тревожила мою совесть. И поехала я на Мальту в Международную школу английского языка. Один из преподавателей был фанатом своего дела. Мама – мальтийка с тогда еще колониального острова, папа – истинный англичанин из Лондона. И вот договорился он в правительстве Мальты, что приведет он свою группу на одну из тусовок по поводу решения социальных проблем Мальты. Я истерически боялась всегда остаться одна и заблудиться. Именно это, конечно, и случилось. В один момент я не увидела никого из своей группы в здании правительства. До отхода последнего автобуса из столицы – города Валлетта – в город Слима, где мы жили, оставалось 15 минут. Я осознала, что залив меж Валлеттой и Слимой я вряд ли преодолёю вплавь, а до автобусной остановки я могу за оставшееся время только долететь, я «полетела». Наверно, женщины так бегают только на олимпиадах или к любимому мужчине. Когда я вскочила в автобус, увидела мирную картину: все мои согруппники сидели здесь довольные, в состоянии «сыто-пьяно». А я-то практически не пью. Как я, трезвая, могла отстать от своей выпившей компании, не понимаю до сих пор.

Имея подобный опыт, уже несколько позже, в немецком городе Мюнстр, где я осваивала немецкий на Международных летних курсах немецкого языка и культуры в Лингвистическом центре Вестфальского университета, я первое время ни на миг не отходила от куратора.

Позже, обучаясь на краткосрочных курсах «Деловой английский язык в профессиональной коммуникации» в Борнвильском колледже английского города Бермингем, я уже чувствовала себя немного спокойнее, без истерик. Но истерики были у других членов группы. Некоторые над ними смеялись, а я, вспоминая свои курьезы, заблудившись сочувствовала. Даже когда мы коллективно стояли у входа в средневековый Замок Уорвик... В тот день несколько человек, у которых были входные билеты на всю группу, по ошибке сели на другую электричку и уехали на ней в соседний город. Психов и ругательств было много. Все происходило у арочного входа на территорию замка, на фоне деревянных чучел с головами из тыкв. А я сочувствовала не тем, кто здесь, а тем, кто в злосчастной «не той» электричке.

К получению звания профессора дошла в 2012 году, через пять лет после защиты докторской. Это все равно вызвало нарекания со стороны некоторых коллег. Советник ректора, пожилой уважаемый профессор, когда увидел пакет документов, пронзительно на меня посмотрел и медленно, нравоучительно произнес: «Чтобы стать профессором, нужно сначала состариться». Но так думали не все, поэтому документы были оформлены.

Да, пожалуйста, расскажите о Ваших собственных основных публикациях. И если можно, опишите, насколько сложно сейчас в России издать книгу, как решаются финансовые вопросы?

Одна из наиболее интересных моих работ, на мой взгляд, это «Социологическая модель социальной работы в условиях маргинализации» (Челябинск: ИИУМЦ «Образование», 2006). Издательство «Образование» даже в то время

проводило серьезное рецензирование монографий, которые публиковало. В монографии обосновано такое построение отрасли социологического знания как профессиональная идентичность в условиях маргинализации российского общества. После 1990-х годов профессиональная маргинальность была распространена, поскольку многим людям вынужденно пришлось заниматься не свойственным им видам деятельности. Ведь выживать-то было надо, и детей «кормить-одевать-обувать». Это уже позже стало нормальным явлением профессиональное переобучение и переквалификация.

Думаю, маргинализированные виды деятельности будут все больше приобретать характеристики профессий и включаться в соответствующие официальные квалификационные справочники. Существующие сегодня профессии, вероятно, будут все в большей степени маргинализироваться (становиться «пограничными», «крайними» – так в 1990-е годы учитель истории оставлял свою работу и начинал трудиться в должности автослесаря). Имеются в виду все взаимоинтегрирующиеся профессии, которые, на первый взгляд, друг с другом тесно не связаны (изначально подобное можно было сказать об ученых и инженерах в области кибернетики). Иногда ученые говорят об однозначном понимании профессионального маргинализма как негативного явления, так как, например, маргинальный врач – это абсолютное зло. Но в некоторых случаях именно те врачи, которые не соответствуют общепринятым стандартам, помогают больным бороться с болезнями и вылечивать их.

Но не все молодые люди хотят заниматься творчеством, применять в учебе и на практике междисциплинарные подходы. К сожалению, мы уже увидели в начале XXI века, что до сих пор «модные» профессии менеджера, экономиста и юриста не находят места на современном рынке труда. Не смотря на это, школьники и их родители стереотипно выбирают именно их, даже не взирая на то, что учиться нужно на коммерческой, а не на бюджетной, основе. Помню, однажды в приемную комиссию пришел юноша с мамой. Они долго рассматривали перечень предлагаемых вузом специальностей. Когда работники вуза им предложили помочь, мама сказала: «Да, да, помогите. Никак не разберемся. Где у вас тут на начальников учат?». Не сразу сообразив, наши девушки неуверенно указали на ГМУ. Мама была очень довольна после того, как ей расшифровали аббревиатуру («государственное и муниципальное управление»). А сыночку, видимо, было все равно.

Если, например, будущий студент еще в школе легко и с удовольствием занимается литературой и ему никак не удастся выучить химию, то ему не стоит выбирать профессии, связанные, например, с применением нанотехнологий. В отличие от второй половины XX века, когда, получая специальность, человек трудился в одной и той же сфере народного хозяйства до достижения пенсионного возраста, то теперь это практически невозможно. Людям постоянно нужно учиться, осваивать новые для себя виды деятельности, получая второе профессиональное образование и заниматься самообразованием.

Издать и реализовать книгу в настоящее время, конечно, не просто. Реальнее, конечно, заплатить за издание из средств гранта. Ну, или, накопив из собственной зарплаты. Но реализовать тираж тоже не просто. Можно опять-таки воспользоваться услугами издательства или посреднических организаций. Но для того, чтобы заработать денег на жизнь и на новые публикации, мно-

гие авторы-социологи забирают часть тиража и самостоятельно разносят их по книжным магазинам. Хорошо, если социолог крепок и силен, как Атлант. А нам, хрупким девушкам, такие походы трудны. Тем более, что в магазины лучше обращаться столичные, один раз доставив туда книги, а в следующий – чтобы забрать «выручку», если она есть. А я, как и многие, живу не в столице.

Чтобы написать книгу, нужно затратить много времени. А его сейчас, как и у всех работников системы высшего образования, катастрофически не хватает. Большой объем аудиторной нагрузки, бюрократизация учебного и организационного процессов, преувеличенное количество заполняемых бумаг, имеющих очень сомнительную практическую значимость. Я уже несколько лет думаю о том, чтобы дописать учебное пособие по организации самостоятельной работы студентов и переработать, дополнить и отдать в издательство новую редакцию своего учебного пособия «Современные методы социологических исследований». Но сейчас время является очень ценным ресурсом, его катастрофически не хватает даже на обеспечение повседневной работы. И еще у меня есть большое желание глубже окунуться в комплексный анализ визуального материала. Мое образование в области филологии, практической психологии, социологии позволяет мне производить междисциплинарный – лингвистический, психологический, социальный анализ. Думаю, у такого подхода есть будущее в плане практической значимости. Комплексный анализ позволяет использовать междисциплинарную методологию, не рассматривая один и тот же материал с позиции языка (анализ текста и подтекста), с позиции визуального образа (цвета, формы, размещения на плоскости и прочего), с позиции социологической рефлексии. Социоллингвистика, психосемиотика, психоллингвистика, иконография, геральдика, бихевиоризм – все эти научные направления соединяются воедино и позволяют осуществлять интереснейший анализ статических и движущихся объектов. Такое рассмотрение материала позволяет взаимоинтегрировать некоторые термины, являющиеся специфическими для конкретных наук. Потенциал заключается в осуществлении глубокого анализа материалов, являющихся объектами предварительных психолонгвистических исследований и психолонгвистических экспертиз в рамках судопроизводства.

Потенциал разработки такого подхода состоит не только в диагностическом назначении, но и в преобразовательном. Меня заинтересовала идея В. Сысуева, который, проводя анализ нелинейных мыслительных конструкций, ввел в современный научный арсенал понятие «визуальный оксюморон»⁶. Данная форма репрезентации характерна для некоторых визуальных объектов. Оксюморон известен как лингвистический термин, обозначающий сочетание слов, противоречащих друг другу по своему значению. Визуальные оксюмороны имеют, как минимум, не менее сильное эмоциональное воздействие, чем вербальные. Например, на открытке 1920 г. к 1 Мая видим человеческие образы, идеографики (графические образы), обозначения цифр и букв. Надпись: «Силен ты

⁶ Сысуев В. Нелинейные мыслительные конструкции. URL: <http://bor.satcomtel.ru/klassika/misc/unlin.html#Оксюмороны>.

ныне, и нет сильнее тебя, и не будет. Твои владенья необъятны. Ты — царь мира». Ярко выражен оксюморон и в лингвистическом, и в визуальном ракурсах: «пролетариат — это царь».

Очень и очень многие кадры из нашей собственной жизни представляют собой подобные, нелогичные оксюмороны — сочетание несочетаемого.

В свое время, по воспоминаниям советских социологов, многие из них испытывали сложности в издании своих работ в силу цензуры. Сейчас есть нечто аналогичное, если не явно, то — «атмосферно», порождающее самоцензуру?

Да, конечно, есть темы, которые заведомо руководством вуза не рекомендуется затрагивать. И старшие коллеги тоже в таких случаях предупреждают. Например, очень модной является тема коррупции. Но сбор полевого материала затруднен неискренностью ответов и трудностями сортировки материала, представляемого в результатах исследования. Не рекомендуется разрабатывать темы, связанные с прогнозированием, так как они считаются очень рискованными. В настоящее время трудно предугадать те факторы, которые в разной степени смогут прямо или косвенно кардинально изменить даже статистически подтвержденные и научно обоснованные прогнозы. Быстрота протекания и непредсказуемость социальных процессов затрудняют прогнозирование социальных явлений. Есть сложности с оформлением заявок в международные и зарубежные фонды. Если удачно решаются проблемы финансирования исследований за счет средств грантов, то здесь есть опасность попасть под подозрение в непатриотизме. Есть сложности с работами, касающимися социальной истории. Иногда работники правоохранительных и судебных органов ведут себя прямо-таки странным образом, обвиняя сотрудников научно-исследовательских центров (некоммерческих организаций) в использовании средств, поступающих из-за границы. В нашумевших случаях «иностранных агентов», например, показательна ситуация с «Центром социальной политики и гендерных исследований», директором которого был Павел Васильевич Романов. С другой стороны, привлечение средств и наличие зарубежных грантов является бонусом для любого научного сотрудника или преподавателя вуза. Темы, связанные с неравенством, хоть и приветствуются, но они опасны тем, что задевают за больное «имущество имущих». Последствия излишней бюрократизации учреждений высшего образования и прихода в руководство вузов бывших руководителей из властных структур много обсуждаются и негативно оцениваются, но ученые эту тему исследуют мало и с осторожностью. Также исследованию все больше подвергаются темы, связанные с анализом людей и социальных групп, характеризующихся низким или средним социально-экономическим уровнем жизни. Представители бедных слоев населения исследуются чаще, чем представители среднего класса. А олигархи и члены их семей в научных трудах как предмет социологического анализа практически не присутствуют. Мы можем найти научные труды о рабочих и служащих, о менеджерах низшего, среднего и высшего звеньев. Но жизнь крупных собственников мы встречаем почти исключительно в изданиях желтой прессы, но не на страницах научных журналов и монографий.

Как Вы сейчас себя идентифицируете: социолог, исследующий проблематику социальной работы? организатор социальной работы, тяготеющий к научному анализу? специалист по подготовке кадров в области социальной работы?

Последние годы я работаю в должности заведующей кафедрой социальной работы в Белгородском государственном национальном исследовательском университете и поэтому большое количество времени уделяю вопросам теоретической и практической подготовки студентов. В связи с этим приходится изучать огромное количество нормативно-правовых и методических документов. Бюрократия в системе высшего образования расцветает буйным цветом. Это просто какой-то «электронно-папирусный» документооборот, подразумевающий делопроизводство как в «бумажном», так и дублирующем его электронном виде. В настоящее время мне все же удастся быть социологом, изучающим проблематику социальной работы. Хорошо, что профессиональное общение с магистрантами и аспирантами позволяет нам проводить интересные полевые исследования. Именно результаты такой научной работы наполняют образовательный процесс живительной силой, показывая реальные проблемы современности. Специфика профессии предполагает также и тесную связь с практикой социальной работы. Научные мероприятия на нашей кафедре проводим с привлечением сотрудников социальной сферы. Совместно с Управлением социальной защиты населения области создана базовая кафедра региональных исследований социальной работы. В образовательном процессе принимают участие руководители и специалисты социальных организаций и учреждений. Так что в рамках профессиональной деятельности, кроме преподавательской и научной деятельности предполагается и участие в организации и реализации практических социально направленных мероприятий: социальных акций, работы волонтерских групп.

Если иметь в виду Вашу профессиональную деятельность, как (кем) Вы видите себя в конце этого десятилетия?

В динамично развивающемся обществе XXI века крайне трудно давать какие-либо прогнозы. А в отношении своей собственной жизни можно только очень примерно что-то предполагать. Во-первых, хотелось бы сконцентрироваться на более узкой проблематике. Тема профессиональной маргинализации видится мне достаточно перспективной для исследований и имеющей практическую значимость. Во-вторых, есть намерение совершенствовать методологию комплексного психолингвистического анализа вербальных и невербальных материалов. В-третьих, немецкий и английский языки «ждут не дождутся», когда же я их наконец-то освою. Надеюсь, что время и пространство в эпоху глубоких социальных перемен позволит мне оставаться ученым и творческим преподавателем одновременно.

Ольга, очень надеюсь на то, что будущее предоставит Вам эту возможность. Спасибо за беседу.